

Попутчики. Интернационал

Попутчики по жизни достойны романов. А для короткого повествования больше подходят дорожные спутники. Стоит только сесть в поезд дальнего (или не очень) следования и тебе тут же начнут рассказывать про свою жизнь. По крайней мере, со мной так происходило неоднократно.

Например, соседка по плацкартному купе Ирма. Она, уроженка Казахстана, уже выросла в предместье Томска. Десять лет работает медсестрой в детской туберкулезной больнице. Дом – брата, уехавшего с отцом и сестрой на ПМЖ в Германию, перестроили, завели хозяйство, огород. А четверем сестрам, в том числе Ирме, во въезде в Германию почему-то отказали. Типа те (брат и сестра) – немцы, а эти – нет. Три сестры живут в Томске, одна – в Кемерово. Особенно обидно старшей, которая в Кемерово. Она – одна. Ирма с сестрами были в гостях у своих в Дрездене несколько раз. Это дешево – на Рождество билет стоил 16 тысяч рублей. Самолет «Кемерово-Питер-Дрезден» и обратно. Но уже скучновато, всё посмотрели, съездили в Швейцарию, Чехию... Сестра, живущая в Германии, и её муж не работают. Живут на пособие и не хотят работать. А Ирма так не смогла бы жить: «Скучно». «Российский интеллект», – пишут немцы о таких. Вот и отец, пока не умер в 85 лет, занимался огородом. Грецкий орех, вишня росли у него. Построил «юрту» на участке – круглый шалаш – как в Казахстане.

Ирма довольна своей работой: «Как дома у нас в больнице. Хотя тяжело с асоциальными детьми. Матерятся, курят, дерутся. В больницу кладут детей после контакта с больными родственниками в целях профилактики. Через десять лет досрочная пенсия для медсестер и санитарок, а врачам – нет. Они меньше общаются с больными».

Выходя с мужем в казахском Петропавловске, Ирма пожелала нам счастливого пути на юг и счастливого возвращения домой, в Сибирь...

В нашем «купе» - отсеке плацкартного вагона № 13 поезда «Томск-Анапа» в сторону юга ехала сибирячка-бабушка с внуком. Позднее к ним подсел таджик. У раскосого внука корейские корни. Его темноглазая, темноволосая смуглая бабушка когда-то жила в Казахстане. Втроём они смотрелись вполне органично, одной семьей. Это заметила молодая проводница Галя, сообщив таджику, что его СЫНОК сейчас в туалете. Думала, что он потерял мальчика. Таджик развеселился: «Ну, что, сынок, поедем домой, в Волгоград или с бабушкой на юг?!» Играть в карты с «родней» таджик отказался: «Это – грех». А еду принимал с благодарностью: «Спасибо, сестра». Моложавая бабушка улыбалась: «Пожалуйста, брат». С вождением таджик смотрел на уральские взгорки: «Поселиться бы здесь, огород развести, простор, никто не мешает...» Предвкушал урожай – тонны волгоградских помидоров и перцев.

Бабуся девятилетнего внука аккуратно пасла, кормила биодобавками, «питанием для клеточек», везла на море лечить от аллергии на рыбу и прочее: «Ничего не ест, весь в ранках, не заживают». Если дети слишком расшумелись, разбегались по вагону, предлагала: «Игорёк, сыграй нам на флейте». Игорек послушно доставал из полотняного чехла инструмент, для проформы спрашивал: «А шляпа где?» и играл по памяти «Санта Лючию», песенку Львенка и Черепахи из мультика, гавот и «этиод как всегда». К выходу в Краснодаре группы военных бабушка заказала внуку «Прощанье славянки».

Развлекали нас продавцы толстенных носков, изукрашенных вязаными оленями-зайками-белками. В тридцатиградусную жару эти произведения кустарного искусства смотрелись просто инопланетно. Так же как «шали-шали», оренбургские пуховые платки и пояса из собачьей шерсти.

Следуя наказу подруги встретить в поезде мужчину для общения, я обозрела окрестности. Из подходящих по возрасту справа храпел толстяк-торговец гербалайфом, слева вещал горбун, непризнанный гений в драном трико. Прямо – молчал таджик. На верхних полках спали газосварщики с Алтая – отец и сын... «Выбор», как говорится, – налицо.

Оставалось только вязать картинку с рыжим котом и слушать детские разговоры. Например. «Хочу в Лондон! Там Гарри Поттер! – Да ты что, ему же уже тридцать лет!»... «А я смотрел Тимофея Баженова. Он с пираньями жил, с анакондой целовался и объяснял всё попутно. И он сказал, что камыш это что-то другое» (а не то, что проплывало за окном). Вот так.

Другая баба Оля - бабушка семерых внуков, часть их живет в Сибири, часть на Кубани. Баб Оля курсирует между ними. Вздыхая, внимательно разглядывала окрестности дороги, радовалась алым макам. Оживилась при виде волжских камышей: «А вон там живет розовый пеликан, каждый год его навещаю, проезжая мимо...» Косули, цапли... Я все глаза проглядела. Но тщетно. Наверное, птицы-звери показываются только бабе Оле. Вспомнилась песня из детства: «Рыбы, птицы и звери в душу людям смотрят. Вы их жалейте, люди, не обижайте зря».

По вагону на боковушках рассредоточилась цыганская семья, четверо детей: от двух до семи лет. Старший мальчик буквы знает, но не умеет читать. – А почему не умеешь? – Жил у бабушки. Бабушка не умеет читать. – А мама? - И мама не умеет... И папа...

Мальчик внимательно слушал сказку про колобка, живо реагируя на перипетии. Хотя знал, чем дело кончилось: «А лиса его съела».

В соседнем отсеке молодая беременная мама с четырехлетней дочкой-егозой рисуют ежика: «И тут иголки, и здесь... Нос как у клоуна получился. Ёжик-клоун. А почему ножки как у волка?»

Расписного с головы до пят болезненно одутловатого «мафиозо» на стоянках выгуливала-окуривала разбитная подруга. Любознательная четырехлетка пыталась маму, как делают такие рисунки на коже, как у дяди. Мама подробно рассказывала про шприцы, что краска через трубочку поступает под кожу. – Это больно, но некоторым нравится. – А почему?

Девчонка сыпала пожеланиями. Только и слышно было ее «хочу»: есть, спать, рисовать, читать, залезть на вторую полку, слезть со второй полки, сандалики одевать, сандалики снимать.

Терпеливая мама только вздыхала: «А бабушка сказала, ты сама все умеешь делать. Как же ты в детский сад ходишь?».

На омском перроне, глядя сквозь решетку ограждения на памятник железнодорожнику, женщина уговаривала мужа: «Пойдем. Там же НАШИ. Видишь, в шортах все».

Конечно, НАШИ. Единство времени и места. Широка страна моя родная. А поезд – это маленькая жизнь.

Где-то далеко (или близко) живут медсестра Ирма, овощевод таджик, флейтист Игорек, юные цыганята и многие другие встреченные мною в поезде первый и последний раз. Попутчики.